

**«НЕУКЛОННО ОСУЩЕСТВЛЯЛ ВОЛЮ
ИМПЕРАТОРА»**

Генерал-прокурор
Виктор Никитич
ПАНИН

НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

Из числа царских министров юстиции граф Виктор Никитич Панин дольше всех удерживал свой пост — почти 23 года. Он вступил в управление министерством юстиции тридцативосьмилетним и оставил эту должность в 1862 г., незадолго до введения в действие новых Судебных уставов. Он не понял, а потому и не принял грандиозных судебных преобразований, проводившихся в России. Панин с трудом воспринимал все новое, оставаясь приверженцем старых, изживших себя форм судоустройства и судопроизводства. По мнению многих современников, это был один из самых консервативных министров юстиции.

В.Н. Панин родился в 1801 г., в богатой и родовитой семье. Его дедом по отцовской линии был знаменитый екатерининский вельможа граф Петр Иванович Панин, отличившийся в семилетней и турецкой войнах, прославившийся взятием Бендер и пленением Емельяна Пугачева. Отец министра — не менее знаменитый граф Никита Петрович Панин, познавший при двух императорах, Павле I и Александре I, как блестящие взлеты, так и тягостную опалу. Один из любимцев Павла I, в молодости не раз выполнявший важные дипломатические миссии и в 29 лет ставший вице-канцлером, в конце царствования неуравновешенного императора попал в немилость и был сослан в деревню. Александр I, вступив на престол, сразу же вызвал Н.П. Панина в Петербург, где поручил важную должность в Коллегии иностранных дел. В 1805 г. он вновь познал императорский гнев, его выслали из столицы, запретив появляться в городах, в которых пребывает император. На этот раз опала продолжалась до конца жизни. Свой досуг граф проводил то в деревне, то в путешествиях за границей.

Он был женат на дочери графа В.Г. Орлова, Софье Владимировне. От этого брака родился будущий министр Виктор Никитич Панин.

Домашним воспитанием мальчика занимался сам отец, бывший одним из образованнейших людей своего времени. Детские годы он провел большей частью в усадьбе родителей Дугине, находившейся в Смоленской губернии. Непосредственно науками и языками с ним занимался учитель-гувернер немец Бютгер. Свое образование юноша завершил за границей, великолепно усвоив древние и важнейшие иностранные языки. В 1819 г. он выдержал экзамены в Московском университете и в декабре того же года посту-

Н.П. Панин

пил на службу актуариусом (то есть регистратором) в Коллегию иностранных дел. Спустя два года Панин занял должность переводчика. В двадцать три года он получил чин титулярного советника и был назначен вторым секретарем русской миссии в Мадриде. Направляясь к месту службы, он посетил в 1824 г. Веймар, где встречался с великим немецким поэтом Гете. Затем побывал в Париже, блеснув там своей светскостью и образованностью. Служба в Мадриде оказалась необременительной и довольно короткой — уже в феврале 1826 г. Панина отозвали в Россию. На следующий год он получил звание камер-юнкера Двора Его Величества и был произведен в надворные советники. В апреле 1828 г. Панин попадает в походную канцелярию Министерства иностранных дел, которая находилась при императоре Николае I, отправившемся в действующую армию. Николай I обратил внимание на талантливого юношу и оценил его блестящую образованность, познание в языках и трудолюбие. В июне 1828 г. Панин по Высочайшему повелению был направлен в Грецию в

распоряжение поверенного в делах графа Булгари. На следующий год он сам стал исправлять должность поверенного в делах и был повышен в чине, а в 1830 г. получил почетное звание камергера двора Его Величества. За успешное выполнение дипломатической миссии Панина произвели в статские советники, и в ноябре 1831 г. он был назначен помощником статс-секретаря Государственного совета по департаменту законов.

В апреле 1832 г. Виктор Никитич стал товарищем (заместителем) министра юстиции, которым в то время был Д.В. Дашков. К этому назначению он отнесся очень ответственно. Еще до вступления в должность Панин выхлопотал продолжительный отпуск, уехал в подмосковное имение Марфино, где основательно проштудировал весь многотомный Свод законов Российской империи. Нормы уголовного и гражданского законодательства он освоил великолепно, а многие статьи выучил наизусть.

П.И. Панин

В том же году Панин, без освобождения от основной должности, был назначен статс-секретарем императора. Вскоре он получил чин действительного статского советника и орден Св. Анны 1-й степени.

В 1835 г. Панин вступил в брак с дочерью графа Тизенгаузена, Натальей Павловной. В марте 1837 г. скончался его отец, Никита Петрович, и Панин получил значительное состояние, заключающееся, в основном, в недвижимости и богатых имениях. Современники отмечали, что у него было свыше 20 тысяч душ крепостных крестьян, а ежегодные доходы достигали 136 тысяч рублей. В мае того же года Виктор Никитич по семейным обстоятельствам (вследствие слабости здоровья супруги и для того, чтобы уладить наследственные дела) получил длительный отпуск и выехал за границу.

В декабре 1839 г. Панин был отозван из отпуска и назначен управляющим министерства юстиции, на место Д.Н. Блудова, который занял, в свою очередь, должность умершего Д.В. Дашкова. В 1841 г. император Николай I утвердил Панина в должности министра юстиции и генерал-прокурора.

«ПРОИЗВОЛ И НЕБРЕЖЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ ДОСТИГЛИ НЕИМОВЕРНОЙ СТЕПЕНИ»

По свидетельству многих современников, состояние правосудия в России в середине XIX в. находилось в удручающем состоянии. Панину сразу же пришлось столкнуться с целым рядом проблем, главными из которых являлись косность судопроизводства, медлительность в рассмотрении дел, почти поголовное взяточничество и поборы в присутственных местах.

Так, например, в 1846 г. в Правительствующем сенате, в палатах уголовных и гражданских судов, совестных, коммерческих, окружных, городских, уездных судах, магистратах и ратушах, а также в межевых канцеляриях находилось на рассмотрении почти 1,2 млн. дел, из которых решены были немногим более 930 тысяч, а 212 тысяч оставались нерешенными. Некоторые дела тянулись десятки лет. Чтобы скрыть истинное число числящихся за судами дел, судьи часто прибегали к такой уловке. В конце года они рассылали в различные места дела для дополнения их совершенно ненужными сведениями и справками. Все это еще более затягивало производство.

Судебная волокита объяснялась многими причинами. Это и обилие судебных инстанций, и отсутствие квалифицированных кадров юристов, и неограниченное право переноса дел из одной инстанции в другую в ревизионном и апелляционном порядке, и откровенное нежелание судей быстро рассматривать дела и так далее. Для борьбы с волокитой власти нередко отряжали многочисленные сенатские ревизии, которые проносились грозой, причиняли массу беспокойства чиновникам, но мало что меняли по существу.

Министр юстиции Панин с первых же дней управления министерством рассылал строгие предписания, требуя от председателей палат и прокуроров скорейшего решения дел, но и это приносило мало пользы.

Некоторые наиболее ловкие председатели палат находили своеобразные способы выхода из создавшегося положения. Так, Н.М. Колмаков в очерке «Старый суд» приводит такой анекдотичный случай: «В одной уголовной палате замечена была страшная медлительность в ходе арестантских дел. Предписание за предписанием следовало одно за другим из министерства в палату о скорейшем решении дел. Спустя несколько времени после сего председатель этой палаты приезжает в Петербург и с ликующим лицом является к министру юстиции, докладывая, что все дела в его палате решены. «Как же вы это сделали?» — спросил министр. — «Я, ваше сиятельство, — ответил председатель, — воспользовался особым случаем. В нашем губернском остроге содержится несколько весьма опытных чиновников: вот я и роздал им дела, — они мне живо написали все, что нужно». Министр юстиции Панин услышал это, всплеснул руками и удалился из приемной комнаты, не найдя ничего сказать».

В эти дела вмешивалось даже III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Дело доходило до абсурда. Например, шеф жандармов Л.В. Дубельт в начале 1840-х гг. в целях «понуждения и неотлогательного решения» заволокиченных судебных дел, командировал в судебные палаты жандармских офицеров, которым «вменил в обязанность не выезжать из города до тех пор, пока не будут решены все дела». Вот как описывает один из таких случаев Н.М. Колмаков: «Явился жандарм в палату и настойчиво требовал исполнения объявленного ему поручения. Председатель задумался как быть и что делать? Засим велел принести из канцелярии все дела. Потом взял одно дело и, поднеся его к своим глазам, или лучше сказать, к

носу, объявил: решение суда утвердить, и положил его на правую сторону. Потом взял другое дело и, делая те же движения, заявил: решение суда отменить. Затем при тех же приемах начал быстро откладывать дела то направо, то налево, вскрикивая: утвердить, отменить и так далее. По окончании сего жандарм уехал с донесением, что все дела в палате решены».

О том, в каком положении находилось тогда правосудие, красноречиво свидетельствует и такой факт. В 1837 г.,

Николай I

вследствие беспросветной волокиты, в обоих департаментах петербургского надворного суда был заменен весь личный состав. Из тех же судей и секретарей, по чьей вине накопилось большое число дел, образовали два новых департамента и им предложили окончить все дела в течение двух лет. Поскольку к этому сроку большинство дел так и не было решено, чиновникам прекратили выплачивать жалованье. Но и это не помогло. В 1841 г. эти департаменты были обрешиваны С.-Петербургским гражданским губернатором В.А. Шереметевым (в 1843 г. он стал товарищем министра юстиции). Была раскрыта потрясающая картина беспорядков и злоупотреблений. В департаментах оставалась почти тысяча нерешенных дел, тянувшихся многие годы. Панин доложил о результатах ревизии Государственному совету и внес некоторые предложения по улучшению делопроизводства. Совет одобрил их, но вместе с тем вменил в обязанность министру удостовериться, «были ли со стороны губернского правления и губернского прокурора употреблены должные настояния к прекращению беспорядков, и в случае безуспешности таких настояний, ограждали ли они себя от ответственности надлежащими донесениями по начальству».

Когда императору Николаю I стали известны результаты ревизии, он собственноручно написал: «Неслыханный срам; беспечность ближнего начальства неимоверна и ничем не извинительна; Мне стыдно и прискорбно, что подобный беспорядок существовать мог почти под Моими глазами и Мне оставался неизвестным».

После этого министерство юстиции приняло решение «обозреть» все подведомственные судебные места. Проверку в петербургских судах граф Панин проводил лично, а в девяти центральных губерниях — его заместитель Василий Александрович Шереметев. Общая ревизия других присутственных мест проводилась силами юридической консультации министерства и обер-прокурорами. Согласно поступившим от них отчетам, «произвол и небрежение правосудия достигли в некоторых судебных местах неимоверной степени».

Волокита — это далеко не единственный бич царского правосудия. Произвол, неправый суд властвовал почти повсеместно.

В своей записке «Состояние государства в 1841 году», представленной Николаю I, генерал-адъютант П. Кутузов писал: «Неправда и угнетение везде и во всем: сильный делай, что хочешь, а слабый не смей на него жаловаться».

По мнению профессора М.П. Чубинского, в судах дореформенной России скрывалась вопиющая неправда, «обрушившаяся всей своей тяжестью на невинного и выгодная для тех виновных, которые, несмотря на массу косвенных улик, были наглы и тверды в запирательстве».

Безнаказанность господствовала сверху донизу. Беззаконие принимало самые уродливые формы еще и потому, что Россия была страной крепостников. М.Е. Салтыков-Щедрин заметил, что «крепостное право втягивало все сословия в омут униженного бесправия, всевозможных изворотов, лукавства и страха перед перспективою быть ежечасно задавленным».

До чего доходила вседозволенность властей свидетельствует такой факт. Однажды С.-Петербургский генерал-губернатор князь Суворов за незначительный проступок приказал арестовать всех членов коммерческого суда. После вмешательства министра юстиции Панина это абсурдное решение было отменено. Сам генерал-губернатор оправдывался перед министром тем, что «бумагу об арестовании членов суда подписал не читая».

Власти отчетливо осознавали, во что превратился в России суд. Однако без уничтожения крепостного права ничего изменить тогда было невозможно. В одном из постановлений Государственного совета отмечалось: «Все административные власти, начиная от станowego пристава до губернатора и даже до министров, вмещиваясь в силу самого закона в ход судебных дел, и тем самым ослабляя истинное значение суда, останавливают правильное отправление правосудия».

В то время члены многих судебных мест служили по выборам. Министр юстиции Панин назначал чиновников лишь на немногие должности по судебному ведомству. Оклады у судей и прокуроров были скудные. Весь бюджет министерства юстиции составлял 3,5 млн. рублей, причем на содержание всех судебных мест в империи и чинов прокурорского надзора отпускалось всего около 2 млн. рублей. Председатели судебных палат и губернские прокуроры, например, получали в три раза меньше, чем председатели казенных палат. Не случайно поэтому в губерниях, и особенно в уездах, на должности судей, прокуроров и стряпчих попадали невежественные, безнравственные лица, иногда даже безграмотные.

Суды, как и все русское общество, глубоко погрязли во взяточничестве. Еще в начале 1820-х гг. поэт К.Ф. Рылеев писал Ф.В. Булгарину: «В столицах берут только с того,

кто имеет дело, здесь со всех: предводители, судьи, заседатели, секретари и даже копиисты имеют постоянные доходы от своего грабежа».

Не лучше было положение и в середине XIX века. И.С. Аксаков, например, писал своему отцу: «Вы не знаете, что такое провинция, когда в ином уездном городе от первого до последнего буквально все взяточники, да и в губернском городе, по совести, никому нельзя и руки подать». Аксаков признавал, что искоренение взяточничества «исправлением невозможно».

И.С. Аксаков

Да и высшее чиновничество считало, что без взяток жить невозможно. Сам министр юстиции граф Панин, составляя рядовую запись в пользу своей дочери в Петербургском уездном суде, вынужден был, «в силу обычая», дать взятку (конечно, не лично, а через директора департамента министерства юстиции М.И. Топильского) в размере ста рублей надсмотрщику, в руках которого находилось это дело.

А киевский генерал-губернатор Безак приказал сунуть за шиворот деньги чиновнику судебной палаты, отказавшемуся взять взятку за засвидетельствование доверенности.

«ВЗЫСКАТЕЛИ НАКАЗАНИЯ И ЗАЩИТНИКИ НЕВИННОСТИ»

Прокурорские органы в силу своего положения выгодно отличались от иных присутственных мест. Здесь было гораздо меньше злоупотреблений, больше дисциплины, порядка и ответственности. Однако надзор со стороны прокуратуры мало что мог изменить в лучшую сторону в российском судопроизводстве. Губернские прокуроры, не говоря уже о стряпчих, находились под жестким прессом местных властей, в первую очередь генерал-губернаторов, которые вершили все дела и утверждали приговоры судов.

Права и обязанности прокуроров и стряпчих дореформенной России регулировались отдельными указами и Высочайшими повелениями, а также инструкциями и распоряжениями генерал-прокурора. Тем не менее, круг деятельности лиц прокурорского надзора в то время постоянно расширялся «подчинением их наблюдению новых установлений и увеличением их обязанностей по надзору за различными делами».

Не представляло какой-либо цельности и стройности законодательство о прокурорском надзоре и после издания Свода законов Российской империи. Если взять наиболее полную кодификацию российского законодательства, завершившуюся изданием Свода законов 1857 г., то можно заметить, что нормы о прокурорском надзоре разбросаны по многим томам. Основные из них собраны в томах 1, 2, 10 и 15, где опубликованы законы, относящиеся к учреждениям государственным, губернским правлениям, а также уголовные и гражданские.

Прокурорский надзор разделялся на три так называемые «степени» или «ранга». Это, во-первых, генерал-прокурорский надзор, который осуществлялся в лице министра юстиции и его товарища; во-вторых, обер-прокурорский надзор при общих собраниях и департаментах Правительствующего сената. В середине XIX в. при Сенате было 12 департаментов и три общих собрания. Первые пять департаментов, а также межевой и герольдии находились в Петербурге, три — в Москве, два — в Варшаве. Два департамента в Петербурге и один в Москве делились на отделе-

ния, в каждом из которых был свой прокурор. Всего же при Сенате тогда было 16 обер-прокуроров. В-третьих, местный прокурорский надзор, состоявший из губернского прокурора, двух губернских стряпчих и уездного стряпчего (прокурора).

Исследователь истории царской прокуратуры (впоследствии министр юстиции) Н.В. Муравьев писал: «Всякая из этих степеней существует и действует отдельно; помимо общего подчинения прокурорских чинов генерал-прокурору, ни в постановке их должностей, ни в предметах и формах деятельности нет никакого единства и единообразия. Обер-прокурорский надзор, заключенный в пределах сенатской коллегии, преимущественно судебный; напротив того, губернский и уездный надзор имеет местное, провинциальное значение и содержит в себе много чисто административных элементов».

Другой русский юрист П.А. Марков подметил, что между прокурорским надзором в Сенате и местным прокурорским надзором так мало связи, что «многим и в голову не приходит, что как обер-прокурор, так и губернские прокуроры и уездные стряпчие составляют в сущности одно учреждение».

Основной обязанностью прокуроров в Сенате в период генерал-прокурорства Панина оставалось «утверждение единогласия» по принимаемым решениям, или по крайней мере достижение большинства в две трети голосов сенаторов. Поэтому генерал-прокурор лично или через подчиненных ему прокуроров «убеждал» сенаторов принять такое решение, которое он считал правильным и обоснованным. Для достижения этой цели он мог использовать право устного или письменного протеста. Мнение министра юстиции или обер-прокурора часто было решающим.

О том, насколько жесткую позицию занимал министр юстиции Панин в Правительствующем сенате при рассмотрении уголовных дел, свидетельствует такой случай.

В 1849 г. завершалось строительство петербургско-московской железной дороги. На участке от Петербурга до Со-синской пристани уже ходили изредка поезда, что всегда вызывало любопытство местных жителей, впервые видевших «машину». Однажды 15-летний мальчик, Василий Серков, захотел посмотреть на движение поездов. В ожидании локомотива он от скуки стал подбирать камешки. Потом с десяток из них ради любопытства уложил на рельсы. За этим занятием его и застал надсмотрщик железной дороги. Он задержал мальчика и передал полиции. Началось

следствие. По заключению экспертов, если бы забава мальчика не была вовремя пресечена, локомотив мог сойти с рельсов. Обвинение было нешуточное, учитывая, что за такие преступления назначались даже каторжные работы. Новгородский совестной суд, рассматривавший это дело, признал Серкова виновным в «намерении причинить вред машине» и приговорил его, как несовершеннолетнего, к отдаче без лишения прав в батальон военных кантонистов (кантонистские заведения обеспечивали комплектование армии строевыми унтер-офицерами, музыкантами, топографами, чертежниками и всякими мастеровыми). Правительствующий сенат утвердил этот приговор.

Министр юстиции Панин с этим не согласился и предложил Сенату «присудить Серкова к 70 ударам розог и отдаче в каторжные работы на 8 лет». Сенаторы стали категорически возражать против столь жестокого приговора, и дело было передано в общее собрание. Там тоже большинство сенаторов не поддержало министра юстиции. Тогда он перенес дело в Государственный совет. При предварительном обсуждении департамент законов Совета высказался за применение к Серкову легчайшего из наказаний, поскольку вреда поезду причинено не было. Панин опять стал возражать, не усмотрев в деле никаких смягчающих обстоятельств. В его заключении было отмечено, что «неослабное и строгое применение закона особенно необходимо в настоящем случае, дабы в самом начале показать пример и не дать повода к распространению в простом народе понятия о неважности преступлений сего рода и тем предупредить могущие случиться по открытии дороги во всем ее протяжении несчастия от злоумышленных покушений».

Общее собрание Государственного совета назначило Серкову наказание, которого требовал министр юстиции Панин. Император утвердил этот приговор.

Об объеме работы прокуроров в департаментах Сената свидетельствуют такие данные. В 1862 г. по сенатским решениям обер-прокурорами дано 330 письменных протестов, а на просмотр министру юстиции было направлено 1300 решений, из которых только чуть более одной тысячи «пропущено».

В местном прокурорском надзоре ключевой фигурой оставался губернский прокурор. В работе ему помогали губернские стряпчие для казенных и уголовных дел. В Петербурге и Москве вводились также должности стряпчих следственных дел (для расследования преступлений по должности). В Петербурге была дополнительно и должность това-

рища губернского прокурора при городском полицейском управлении.

Обязанности губернских прокуроров и стряпчих были многообразны. В соответствии с законом они имели «единственным предметом своих действий непосредственный надзор за порядком производства дел в местах губернских». В частности, на них возлагалось «охранение общего благоустройства в губернии». Сюда относилось: содействие «своим заключением к точному уразумению силы законов»; наблюдение за «точным исполнением узаконений, охранение порядка, ими установленного, и содействие к пресечению противных им деяний и злоупотреблений», особенно в случаях «нарушения верности присяги», общественной тишины, ущерба казенного и общественного, «ленности и медленности в исполнении повелений и в отправлении дел» и тому подобное. Прокуроры осуществляли надзор «по суду и расправе». Они должны были следить за «сохранением в судебных решениях точной силы законов», наблюдать, чтобы суды «не присвоили себе непринадлежащей власти и не входили в дела, состоящие вне их подсудности»; в их обязанностях было возбуждение дел «безгласных», «отвращение явных по суду утеснений, самодурства и злоупотреблений», «ходатайства в судебных местах по делам казны, общества и установлений, по делам людей, отыскивающих свободу, и по делам, содержащихся под стражею».

Приговор по уголовному делу, до подписания, вносился в журнал и поступал на просмотр к губернскому прокурору. Для прочтения ему отводилось три дня. По делам «скорейшего исполнения требующих», прокурор просматривал журнал «тотчас по подписании». На журнале он проставлял дату и писал слово «Читал». Прокурор мог предложить свои замечания (протест). При его отклонении делал запись в протоколе: «Читал и остаюсь при прежнем протесте». Об этом он докладывал генерал-прокурору и начальнику губернии. Если тот утверждал приговор, исполнение приостанавливалось до получения ответа от генерал-прокурора.

Прокуроры еженедельно посещали места заключения, наблюдали за правильностью содержания арестантов, присутствовали при продаже недвижимого имущества с публичного торга, при производстве «всяких от казны торгов и подрядов», участвовали в «свидетельстве казенного имущества», наблюдали, чтобы с «народа не были взимаемы сборы, законом не предусмотренные», рассматривали жало-

бы и доносы и вообще являлись, как отмечалось в законах, «взыскателями наказания и защитниками невинности».

Столь же разнообразны были и формы деятельности прокуроров и стряпчих. Они участвовали в дворянских собраниях и заседаниях присутственных мест, истребовали от них справки и сведения, представляли генерал-прокурору различные донесения и ведомости, сообщали о «чрезвычайных по преступлениям случаях» и тому подобное. Губернские прокуроры присутствовали также в местном комитете земских повинностей, в комиссии народного продовольствия, в статистическом комитете и в попечительском комитете о тюрьмах (в звании директора). «Камера прокурора», то есть его рабочее место, обычно находилась при губернском правлении. При прокуроре состояла канцелярия, чиновники которой назначались губернским правлением по его предложению.

В какой-то степени о деятельности губернских прокуроров можно судить по следующим статистическим данным. В 1846 г. на рассмотрение уголовных департаментов Сената от губернских прокуроров поступило 37 протестов, а в 1-й департамент — 38 протестов на незаконные решения присутственных мест. 32 протеста были рассмотрены министерством юстиции. В 1852 г. ими внесено в Сенат 42 протеста по уголовным делам (из них 10 признаны «уважительными») и 38 протестов на решения присутственных мест (22 признаны «правильными»). Спустя десять лет министерство юстиции рассмотрело уже 358 протестов местных прокуроров, в том числе — 196 по уголовным делам. Признаны «уважительными» и предложены Сенату 147, принят к сведению — 101 протест; не поддержаны Паниным 110 протестов.

Давая оценку деятельности дореформенной прокуратуры, замечательный русский юрист А.Ф. Кони писал о том, что «губернский прокурор и стряпчие в уездах были живым напоминанием закона и, во многих случаях, его обязательными истолкователями... История министерства юстиции с тридцатых до шестидесятых годов представляет немало примеров энергичной борьбы губернских прокуроров с местными злоупотреблениями. Борьба эта не всегда была успешна, но уже самое возникновение ее, основанное на предписании закона, определявшего обязанности губернского прокурора, действовало благотворно, не говоря уже о тех случаях, когда последствием ее явились сенаторские ревизии, несшиеся, как грозовые тучи, на местность, пораженную правовую засухою».

В качестве генерал-прокурора Панин направлял своим подчиненным многочисленные циркуляры и указания по различным вопросам прокурорского надзора, а при необходимости добивался принятия соответствующих решений Государственным советом. Так, в связи с введением в действие с 1846 г. нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, министерством юстиции были разработаны правила о порядке его применения, которые император утвердил 27 марта 1846 года. Для усиления надзора за правильным применением Уложения и «разрешения встреченных при том недоумений», Панин направил в том же году своим подчиненным несколько циркулярных предписаний, в которых поручал обер-прокурорам уголовных департаментов Сената наблюдать за полнотою и точностью определения виновным меры наказания. Губернским прокурорам

А.Ф. Кони

предлагалось «иметь наблюдение» за тем, чтобы «законы были приводимы и принимаемы в том виде, как они изложены».

Тогда же Панин потребовал от прокуроров составлять ведомости об арестантах по новой, утвержденной им форме, и вменил в обязанность показывать во всеподданнейших докладах императору об арестантах, содержащихся более года, не только по уголовным делам, но и по делам о несостоятельности. Необходимо заметить, что за представлением докладов по этому предмету императору он следил очень строго. Только в 1862 г. министерством были приняты меры к некоторому сокращению переписки по арестантским делам. Было отменено непосредственное представление губернскими прокурорами императору ведомостей об арестантах, содержащихся более года. Весь надзор за расследованием арестантских дел теперь сосредоточился в министерстве юстиции и Правительствующем сенате, которые, получив ведомости из губерний, дважды в год докладывали императору о всех арестантах, содержащихся под стражей более двух лет.

Министр юстиции вменил в обязанность прокурорам «иметь неослабное наблюдение за взысканием денег с владельцев дач за выдачу им планов о межевании», за выдачей «без малейшего замедления свидетельств на залог недвижимости», «за скорейшей отсылкою в Комитет призрения заслуженных гражданских чиновников следующих им сумм, остающихся более 10 лет без востребованиями тем, кому они принадлежат», о «производстве надлежащих исков о свободе крестьян, состоящих в противозаконном владении», и так далее. Даже из этого, далеко не полного перечня указаний только за один, 1846 год, наглядно просматривается тенденция расширить круг вопросов, решаемых прокурорской властью. Подобная практика сохранялась при Панине и позднее.

В целях улучшения делопроизводства в Сенате обер-прокурорам было вменено в обязанность подтвердить обер-секретарям, чтобы они «возвращаемые с надписью прошения, не принимаемые по недостатку одной лишь формы, отнюдь не держали более трех дней, когда на подачу другой просьбы остается не более двух месяцев, и не более суток, когда подателю остается менее означенного времени на перемену просьбы». Наблюдение за этой нормой было возложено на чиновников «состоящих за обер-прокурорским столом».

В 1858 г. вновь с особой остротой встал вопрос о замедлении в производстве дел. По Высочайшему поручению бы-

да создана специальная комиссия, которая пришла к выводу, что значительное число дел «останавливается» вследствие истребования большого количества различных справок, часто совершенно не нужных. Комиссия поручила Панину «обратить особое внимание на эти вредные для тяжущихся и подсудимых последствия чрез надлежащие инструкции обер-прокурорам, прокурорам и стряпчим». На журнале комиссии Александром II написано: «Дельно».

Во исполнение этого поручения министерством юстиции были подготовлены и в 1860 г. направлены такие инструкции. Панин потребовал от обер-прокуроров наблюдать за тем, чтобы «все дела, поступающие в Правительствующий сенат и канцелярию, подвержены были рассмотрению, дабы привести в положительную ясность и известность все недостатки вступившего дела и все те сведения, которыми оно должно быть дополнено. Затем все сии сведения долж-

Александр II

ны быть требуемы от надлежащих присутственных мест и должностных лиц одновременно». Если те или иные сведения нужно было получить от губернских или уездных присутственных мест, обер-прокуроры обязаны были предлагать начальникам губерний и губернским прокурорам «следить за недопущением медлительности» при их представлении. «Если бы после сего, — отмечалось в инструкции, — губернский прокурор показал слабость в наблюдении за исполнением указов, то гг. обер-прокуроры обязаны сообщать об этом министру юстиции на распоряжение». На них возлагалось наблюдение и за тем, чтобы «не требуемые были сведения, законом именно не предписанные, а только те, которые необходимы для приведения имеющихся в деле доказательств в полную ясность».

В инструкции губернским и областным прокурорам обращалось внимание на то, чтобы «указы Правительствующего сената были исполнены в возможно скором времени». По уголовным делам они обязывались наблюдать, чтобы уголовные палаты, получившие для ревизии дела, «тотчас приступали к их обзору и одновременно требовали нужные справки и сведения и заботились о взыскании с нижних судов за каждую неполноту дела». В инструкции уездным стряпчим предписывалось быть им постоянно осведомленными о течении дел в уездных и городских присутственных местах, и чтобы в судах «ход дела не был замедлен собиранием излишних справок».

Ответственность прокуроров во многом строилась на старых принципах. Прокурорам не ставилось в вину, если доношения их «не во всех местах окажутся справедливыми». Но за «вчинение неосновательных или пустых исков» они не оставались без взыскания. За умышленное же «вчинение неправого уголовного иска» они подвергались ответственности, как за ложный донос. За «пропуск» приговора, впоследствии измененного или отмененного Правительствующим сенатом, прокурор нес личную ответственность даже спустя несколько лет после вынесения приговора.

Приведем один пример из судебной практики. В 1846 г. крестьянин Войткин подал генерал-губернатору жалобу на своего помещика Боуфал. Со своей стороны, тот обвинил его в том, что он «подбивал» крестьян к неповиновению властям, в клевете и других преступлениях. Расследование было проведено предвзято: помещик, имевший и власть и деньги, добился осуждения Войткина. Витебская уголовная палата приговорила крестьянина к лишению всех прав состояния, сорока ударам плетью, наложению

клейм, шести годам каторжных работ, а потом поселению в Сибири навсегда. Приговор был пропущен губернским прокурором без протеста, утвержден наместником и приведен в исполнение.

Отбыв наказание, Войткин принес жалобу в Сенат, в которой просил пересмотреть судебный приговор, вернуть его на родину и присудить в его пользу вознаграждение за перенесенные им удары плетьюми с лиц, вынесших приговор. Дело в Сенате попало в добросовестные руки. Оно было внимательно изучено, и Сенат признал жалобу Войткина «заслуживающей полного уважения». В действиях уголовной палаты было обнаружено много нарушений. По мнению Сената, губернский прокурор и наместник, пропустившие неправосудный приговор, заслуживали взыскания. Сенат постановил отменить приговор, восстановить гражданские права Войткина, возратить его из ссылки за счет членов суда, подписавших приговор, а в вознаграждение понесенного наказания взыскать с них в пользу Войткина 600 рублей. В случае их несостоятельности, деньги подлежали взысканию с начальника губернии и прокурора. Рассмотрение вопроса о наказании губернского прокурора было поручено министру юстиции.

«В СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ЯВЛЯЛСЯ СОВЕРШЕННЫМ ДЕСПОТОМ»

Министр юстиции граф Панин умело подбирал чиновников в свой аппарат, а также прокурорских работников на местах. В то время назначение на эти должности не обставлялось никакими обязательными условиями. Важно было, чтобы чиновник, претендующий на место обер-прокурора Сената, губернского прокурора или стряпчего соответствовал общепринятым правилам о гражданской службе. По этой причине прокуроры фактически ничем не выделялись из общей массы российского чиновничества. Хотя и в меньшей степени, но все же они были носителями тех отрицательных качеств, которые имели чиновники середины XIX века. Достаточно вспомнить типы, выведенные Н.В. Гоголем или М.Е. Салтыковым-Щедриным. С конца 1840-х гг. ситуация начала понемногу изменяться в лучшую сторону. На должности обер-прокуроров Сената или губернских прокуроров теперь стали чаще попадать люди высокообразованные, окончившие университетский курс, другие высшие учебные заведения. В систему министерства юстиции на-

правлялись, в частности, юноши, окончившие Императорское училище правоведения. Это привилегированное дворянское учебное заведение, открытое в 1835 г., стало по-настоящему кузницей квалифицированных кадров прокурорских и судебных работников. Многие лица, окончившие училище, впоследствии стали украшением российской прокуратуры и особенно громко заявили о себе после Судебной реформы 1864 года.

По мнению одного из воспитанников училища поэта А.М. Жемчужникова, в этом учебном заведении был «превосходный дух». Ученики получали великолепные знания, им прививалось чувство справедливости, законности, уважения к себе и другим лицам. Многие воспитанники познали здесь смысл великого назначения юриста в обществе. Они тянулись к литературе и искусству, сами начинали писать, что поощрялось наставниками. Не случайно среди окончивших училище было не только много великолепных юристов, но и выдающихся деятелей литературы и искусства.

И.С. Аксаков, публицист, издатель, общественный деятель, получивший образование в училище, писал: «К чести нашего училища, надо сказать, что у нас после университетов (исключая Петербургского), Педагогического института, занимаются лучше, чем во всех остальных заведениях». В 1846 г., например, в училище правоведения было 232 воспитанника, из них в течение года выпущено 25 человек. Вновь принят 51 юноша. Только шесть человек выбыли «по желанию и прошениям родителей». Из числа окончивших курс выпущены с правами 9 класса Табели о рангах 8 человек. 10 класса — 9 и 12 класса — 8 воспитанников. Все они были приняты на службу в Правительствующий сенат.

К 1846 г., за девять лет с момента открытия училища правоведения, в систему министерства юстиции был принят 171 человек, в том числе 13 бывших воспитанников занимали должности обер-секретарей Сената, один — начальника отделения департамента министерства, двое — редакторов департамента, один — председателя судебной палаты и один — должность губернского прокурора, 14 — губернских стряпчих, 19 — товарищей председателя судебных палат, 24 — секретарей в департаментах Сената.

До 1858 г. назначение на должность губернского прокурора производилось по представлению Панина Высочайшим указом. Губернские и уездные стряпчие назначались министром юстиции по представлению губернских прокуроров, причем, на должности уездных стряпчих необходимо

было представить не менее трех кандидатур. Впоследствии право назначения губернских прокуроров перешло непосредственно к министру юстиции, а губернских и уездных стряпчих — к наместническому правлению по согласованию с губернскими прокурорами.

Граф Панин, по свидетельству современников, был очень требовательным руководителем. Его биограф П.М. Майков писал: «Привыкнув смолоду сам все исполнять в точности и буквально, граф требовал и от служащих скорого и буквального исполнения всех приказаний и притом единственно во имя служебного долга, совершенно бескорыстно. Он умел сразу подмечать людей способных и талантливых, но, зато и спрашивал с них больше и положительно заваливал их работою». При этом он не требовал соблюдения бюрократических формальностей, например, тщательной переписки бумаг, а довольствовался лишь тем, чтобы работа была четко написана.

Служба в министерстве юстиции и Правительствующем сенате при графе Панине была исключительно тяжелой, а для людей мыслящих и к тому же независимых взглядов — и вовсе невыносимой. Аристократ по происхождению, он считался только с теми, кто принадлежал к так называемому высшему свету, на остальных же смотрел свысока, относя их к простолюдинам, а людей низших сословий вообще не воспринимал. Первые десять лет руководства министерством он еще как-то общался с подчиненными, в основном, вице-директорами департамента, начальниками отделений и правителями канцелярий, принимая от них доклады, давая поручения и тому подобное. Однако впоследствии все личные контакты его с подчиненными происходили почти исключительно через директора департамента М.И. Топильского. Даже из числа сенаторов он принимал у себя только равных по происхождению или положению.

Пожалуй, единственное исключение он делал для одаренной молодежи, особенно тех, кто окончил университеты, лицеи или Императорское училище правоведения. С ними он любил беседовать на отвлеченные темы, иногда даже приближал к себе, назначая на хорошие должности. Чаще всего молодые люди начинали служить дежурными во время приемов министра. В аппарате своего министерства Панин знал немногих. Некоторые чиновники, даже проработавшие в министерстве несколько лет, ни разу не видели его в глаза. Не был он лично знаком и с большинством губернских прокуроров, а уездных чиновников своего ведом-

ства не знал вовсе. Назначение, в основном, шло по документам.

Панин любил переводить губернских прокуроров и других подчиненных ему лиц, с места на место, причем, мог назначить любого из них в самую отдаленную местность, не только не считаясь с их мнением, но даже не ставя предварительно в известность. Как он сам выражался, для того, чтобы они «не залеживались и не засиживались в одной местности». Чиновник, отказавшийся от такого перевода, почти всегда немедленно увольнялся.

Бывший обер-прокурор Правительствующего сената Николай Петрович Семенов, много лет проработавший с Паниным, писал по этому поводу: «Такие переводы, при скудных в то время содержаниях вообще чиновников министерства юстиции, об уравнении которых относительно их окладов с служившими в других ведомствах граф никогда и не заботился, разоряли переводимых им лиц, особенно если кроме жалованья они ничем обеспечены не были, что даже вынуждало иных оставлять службу в министерстве юстиции и изыскивать какие-нибудь другие способы к прокормлению себя или своих семейств».

В своих воспоминаниях Н.П. Семенов приводит и такой случай. В 1843 г. Панин начал усиленно заменять пожилых людей, не имевших высшего образования и занимавших должности прокуроров, стряпчих, товарищей председателя палат, на молодых, как правило, окончивших высшие учебных заведения. В то время в Смоленске освободилось место губернского уголовного дел стряпчего. Эта должность была предложена Семенову, выпускнику училища правоведения. Он, зная, что на губернского стряпчего, помимо прочего, возлагалось проведение следствий по особенно важным делам, не счел себя достаточно опытным для занятия этой должности, и отказался. Тогда ему было дано понять, чтобы после этого не рассчитывал на повышение по службе. Должность стряпчего была предложена также старшему помощнику столоначальника Магнусу. Он отказался, за что и был немедленно уволен из министерства.

Высочайшие повеления Панин исполнял «буквально и без рассуждений». Того же он требовал от подчиненных в отношении своих приказов. Более всего он любил «безответную покорность» и соблюдение служебной тайны. При нем каждый чиновник принимал присягу не только при назначении на должность, но даже при производстве в очередной чин. Если Панин поручал кому-либо выполнение задания, то требовал исполнения, безусловного и точного.

При этом он не считался ни с чем и не принимал во внимание никаких личных обстоятельств, болезнь самого или близких и тому подобное, препятствующих его выполнению. На все возражения он обычно говорил: «Служба не богадельня».

Панин уверовал, что любое, даже самое сложное дело, можно выполнить за две недели. Из этого он всегда исходил, давая то или иное поручение, что часто ставило чиновников в тупик. Поскольку распоряжения, как правило, давались не лично, а через директора департамента Топильского, то они не всегда были ясными и четкими. Это еще более затрудняло их выполнение. Уточнить же что-либо у министра никто не решался. В таких случаях Топильский, передав поручение в самых общих чертах, обычно говорил: «А уж там как надо сделать, придумайте сами».

Раз данное поручение, либо написанную им резолюцию Панин никогда не менял, считая, что этим «умалил бы достоинство своего звания». Дело доходило до нелепостей. Однажды один начальник отделения подал Панину рапорт, в котором просил предоставить ему длительный (на четыре месяца) отпуск, вследствие тяжелой болезни. Министр написал: «Разрешить отпуск...», но ошибочно указал фамилию другого чиновника. Обескураженный чиновник, который не просился в отпуск и не хотел терять жалованья (оплачивался только один месяц отпуска), попросил директора департамента Топильского доложить об этом графу. Тот отказался, сказав, что Панин менять свою резолюцию не станет. Из этого абсурдного положения вышли следующим образом. Чиновник, чья фамилия была указана ошибочно, взяв отпуск, через некоторое время представил рапорт о том, что он, «получив облегчение от болезни», возвращается к выполнению своих обязанностей. Начальник же отделения, которому отпуск был необходим, вынужден был подать новый рапорт.

В другой раз необходимо было выдать какую-то сумму денег чиновнику Деноткину. На рапорте Панин ошибочно указал: «Выдать деньги Домонтовичу». Когда недоразумение выяснилось и осмелились доложить об этом Панину, тот написал такую резолюцию: «Выдать деньги Домонтовичу с тем, чтобы он передал их Деноткину».

С большим или меньшим уважением Панин относился только к чиновникам, которые работали на одном месте не один десяток лет. Полным же доверием графа пользовался только один человек — директор департамента Михаил Иванович Топильский, служивший при нем более двадцати

лет. Он не только руководил департаментом, но и заведывал конторой по управлению имением министра юстиции и был даже фактически Управителем его дома. Причем, эти обязанности он выполнял даже тогда, когда в 1862 г. стал сенатором.

Панин сотрудников не ценил, мало заботился об устройстве их жизни и быта. Лишь немногие в аппарате министерства и Правительствующем сенате удостоивались при нем установленных законом почетных и денежных наград от правительства. Еще менее таких лиц было в губерниях, и почти никого — в уездах. Высшей наградой для чиновника он считал изъявление кому-нибудь собственной письменной «признательности» за выполненную работу. Не случайно Н.П. Семенов в своих воспоминаниях о Панине отметил, что «в служебных отношениях с подчиненными он являлся совершенным деспотом».

П.В. Долгоруков в своих памфлетах «Петербургские очерки» так описывает события, связанные с освобождением Панина от должности министра: «Утром 20 октября (1862 г. — *Авт.*), в день, счастливый для всей России, граф Панин был вызван по телеграфу в Царское Село и после 15-минутного разговора с его величеством сложил свой портфель. Невозможно описать радость, которая при этом известии охватила Россию, избавившуюся наконец от подобного министра юстиции; в особенности ликовали чиновники министерства юстиции и члены судебной магистратуры, освободившиеся наконец от ненавистного начальника. Все поздравляли друг друга, как по поводу всенародного праздника; некоторые чиновники и судейские в знак радости задали обеды друзьям, а мелкие писари побежали напиться к кабачки на радости, что отделались от начальника, длительное, суровое и нелепое управление которого уже получило в России название «панинщина». Думается, что П.В. Долгоруков был недалек от истины.

Суровую школу графа Панина прошли многие видные российские юристы. Среди них был Николай Андреевич Буцковский — сенатор, государственный деятель, ученый-юрист, один из основных авторов Судебных уставов 1864 года. Он родился в 1811 году. Получив хорошее домашнее образование, поступил в 1828 г. в кондукторскую роту главного инженерного училища. Выслужив офицерское звание, несколько лет служил в С.-Петербургской инженерной команде, затем преподавал в Сиротском институте. В 1839 г. он поступил на службу в министерство юстиции, где первое время занимал должность помощника столоначальни-

Н.А. Буцковский

ка. Строгий к себе, аккуратный, исполнительный, чуждый какого-либо подобострастия, и вместе с тем любознательный и пытливый, владевший несколькими иностранными языками и безукоризненно освоивший законы, Буцковский обратил на себя внимание строгого министра и заслужил его уважение. В 1851 г. он стал уже вице-директором департамента министерства, а в 1853 г. — занял пост обер-прокурора Правительствующего сената, проявив себя пытливым и квалифицированным чиновником. В 1862 г. он был прикомандирован к государственной канцелярии, которой предстояло выработать «Основные начала» преобразования российского законодательства. В своей записке «Об основных началах уголовного судопроизводства» Буцковский обосновывает не только возможность, но и «безусловную необходимость» введения в России суда присяжных. С открытием новых судов, в 1866 г., он был назначен сенато-

ром уголовного кассационного департамента Правительствующего сената. Буцковский являлся автором многих работ, в том числе книг о деятельности прокуратуры. Умер он в 1873 году.

При графе Панине начал службу в системе министерства юстиции и другой выдающийся русский юрист, судебный деятель, историк искусства, почетный член двух российских академий — наук и художеств — Дмитрий Александрович Ровинский. Он родился в 1824 г. в дворянской семье. По окончании в 1844 г. курса наук в Императорском училище правоведения, в звании титулярного советника был определен младшим помощником секретаря в канцелярии 7-го (Московского) департамента Сената. На следующий год — он уже старший помощник секретаря в канцелярии общего собрания Сената, а в 1848 г. — исправляющий должность московского губернского казенных дел стряпчего. С этого времени Ровинский быстро повышается в чинах и должностях. В августе 1852 г. он стал Московским губернским прокурором, получил чин коллежского советника, а вскоре и орден Св. Станислава 2-й степени. С 1862 г. он, как и Буцковский, прикомандирован к государственной канцелярии, а вслед затем Высочайшим повелением назначен членом комиссии для составления Уставов гражданского и уголовного судопроизводства. Ровинский также был приверженцем введения в России суда присяжных. С сентября 1865 г. — он вновь Московский губернский прокурор, а с открытием Московской судебной палаты стал прокурором палаты. В этой должности он оставался до 1868 года, когда был назначен председателем уголовного департамента палаты. Вскоре он стал сенатором уголовного кассационного департамента Сената, занимая эту должность четверть века. Страстный коллекционер и выдающийся искусствовед, он опубликовал много бесценных работ. Умер Ровинский в 1895 году.

Известный русский публицист, поэт, журналист и издатель, общественный деятель Иван Сергеевич Аксаков (сын знаменитого автора «Семейной хроники» и «Детских годов Багрова-внука» С.Т. Аксакова) в 1840-х гг., после окончания училища правоведения (3-й выпуск) также начал свою службу под началом графа Панина. С 1842 г. он служил в 6 (уголовном) департаменте Сената, затем в комиссии князя П.П. Гагарина участвовал в ревизии Астраханской губернии, закончившейся отрешением от должности генерал-губернатора И.С. Тимирязева. После этого в течение ряда лет служил товарищем председателя Калужской уголовной

палаты. В 1847 г. он стал обер-секретарем одного из департаментов Сената, но вынужден был оставить службу в ведомстве Панина в знак протеста против несправедливости: Сенат, несмотря на очевидность улик, оправдал одного вельможу, имевшего широкие связи. И.С. Аксаков отказался поставить свою подпись под оправдательным приговором. Впоследствии он служил в министерстве внутренних дел. За свою активную издательскую и публицистическую деятельность не раз подвергался арестам и гонениям. В своих произведениях Аксаков нарисовал яркую картину дореформенных судебных порядков. Для нас очень интересны некоторые характеристики, данные им губернским прокурорам и судьям. Так, по словам Аксакова, только один человек мог противостоять самодурству Астраханского генерал-губернатора Тимирязева. Это был губернский прокурор Ивановский, который «по существу своего независимого звания» осмеливался сопротивляться ему. Правда, Тимирязев все же добился освобождения его от занимаемой должности. На его место был поставлен человек совершенно другого склада. Вот как описывает его Аксаков: «Это человек лет 35, низенького роста, жиденький, с гладко приглаженными, короткими волосами, физиономия смугло-лакейского цвета, не совсем приятная. Учтив, говорит тихо, разборчиво и осторожно, словом, человек воспитанный петербургскою службою». По словам Аксакова, во время ревизии Астраханской губернии ему приходилось вести «бранчливую переписку» с прокурором, который надоедал «своими пустыми и подъяческими протестами». Аксаков отвечал ему резко и «эффектно». На это прокурор обиделся и взял копии с его ответов, чтобы отослать министру юстиции, у которого отмечает Аксаков, «это существо департаментского происхождения на отличном счету».

«ПРИЗНАЛИ ЗА БЛАГО ОТДЕЛИТЬ ОТ ПОЛИЦИИ ПРОИЗВОДСТВО СЛЕДСТВИЙ»

В дореформенной России следствие по уголовным делам находилось почти повсеместно в руках полиции. Оно производилось нижними земскими судами, управами благочиния, другими присутствиями. Именно там состояли на службе чиновники, вершившие следственные дела: полицеймейстеры, частные и следственные приставы и другие. По наиболее опасным преступлениям следствие поручалось особым чиновникам, командироваемым на места губернаторами

или министерством внутренних дел, и даже целым комитетами. Чаще всего следователями становились лица, прошедшие военную выучку.

Порядок производства следствия регулировался различными законодательными актами. Один из первых, наиболее полных, сборников таких законов с необходимыми комментариями был подготовлен и выпущен в С.-Петербурге П.И. Ивановым в 1834 году. Он назывался «Следопроизводитель, или обозрение постановлений, руководствующих к познанию порядка производства исследования». Эпиграфом к своей работе Иванов взял мнение Государственного совета от 23 июля 1823 г. : «Сколь ни было бы сильно подозрение против подсудимого, сколь ни убедительны доводы, его обвиняющие, но все сие не может основать справедливого приговора, если формы и обряды, для судопроизводства предписанные, были нарушены».

В соответствии с законом о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках (Свод законов Российской империи, 1857 г., том 15) поводами для начала следствия были: 1) извещение; 2) жалоба; 3) донос; 4) доношения прокуроров и стряпчих; 5) явка с повинной. Например, губернский прокурор, губернский стряпчий, в особенности уголовных дел, и уездные стряпчие обязаны были «обнаруживать доходящие до них сведения уголовные преступления, особенно безгласные, по коим нет истца». В случае неисполнения этого они подвергались взысканию «соразмерному важности их упущения».

Прокуроры и стряпчие принимали также «доносы о преступлениях» от частных лиц, причем их имена, при желании, должны «сохраняемы быть в тайне». Только в исключительных случаях, когда необходимо было провести очную ставку с доносителем, либо обвиняемый, «совершенно оправдавшись», требовал указать доносчика, имя доносителя раскрывалось, причем стряпчий это мог сделать с разрешения вышестоящего прокурора.

При обнаружении преступления прокуроры и стряпчие предъявляли доношения и уголовные иски, что равносильное было возбуждению дела и началу производства следствия. Они могли сделать это только в случае, когда имеют «на оные ясные доказательства или сильные улики». Губернский прокурор обычно предъявлял доношение губернскому правлению, а губернский стряпчий предъявлял уголовные иски с разрешения губернского правления и по письменному заключению прокурора. Уездный стряпчий мог это сделать только по повелению прокурора.

Дореформенное следствие многие современники оценили однозначно отрицательно. По мнению А.Ф. Кони, «следствие было в грубых и нечистых руках, а между тем составляло не только фундамент, но в сущности единственный материал для суждения о деле». А вот еще одно мнение — Д.А. Ровинского, много лет проработавшего Московским губернским прокурором. Он отмечал, что особенностями полицейского следствия были «безотчетный произвол, легкомысленное лишение свободы, напрасное производство обысков, отсутствие всякой системы в действиях и раздувание дела».

Старейшая русская журналистка Е.И. Козлинина, прошедшая в станах суда пятьдесят лет, в своих воспоминаниях «За полвека» писала о следствии так: «Дознание по обычаю велось с неизбежным рукоприкладством; пока допрашиваемого не били, он не доверял серьезности допроса, иногда даже нахальничал, но два, три удара приводили его в порядок, и дело налаживалось... И никого из допрашива-

Д.А. Ровинский

емых эти побои не оскорбляли и не озлобляли. Наоборот, дравшимся полицейским народ доверял, не считая их способными на подвохи, и с другой стороны, как огня боялись тех, которые приступали к делу с шуточками, да прибаутками, стараясь заставить обвиняемого проговориться и в то же время измышляя, какими бы способами вырвать у него сознание, — селедками ли, после которых не давалось пить, или клоповниками, в которых ни один из обвиняемых не ухитрился забыться сном хотя бы на минуту. На таких следователей народ смотрел, как на мучителей».

Закон формально запрещал «чинить пристрастные допросы, истязания и мучения», но в то же время предписывал следователям «стараться обнаружить истину чрез тщательный распрос и внимательное наблюдение и соображение, как слов, так и действий подсудимого».

На практике редко кто из следователей придерживался этих формальностей. Д.А. Ровинский отмечал, что «кормление соленым сельдем не в виде пытки» составляло самый обыкновенный прием полицейского следствия. Для выколачивания чистосердечного признания арестованных били и истязали, держали в ручных и ножных кандалах, помещали в темные комнаты, где он не мог ни сесть, ни лечь, подвешивали, выворотя руки, шантажировали и тому подобное.

В определенной степени на это провоцировал сам закон. В нем отмечалось, что собственное признание подсудимого «лучшее свидетельство всего света». А потому, если «учинет оное, то не требуется уже более других доказательств». Конечно, закон предписывал, чтобы «признание было произведено в действительности», чтобы оно было «вольное» и «учинено пред судьей или в суде, вне же оно почитается недействительным». По делам о «смертоубийстве» закон требовал не ограничиваться собственным признанием обвиняемого, но «раскрывать все подробности преступления».

Хотя за ходом следствия обычно надзирали прокуроры и стряпчие, которые обязаны были заботиться о том, чтобы обвиняемый «пользовался всеми способами законом к его защите предоставленными», на деле они не всегда могли добиться наказания лиц, применявших недозволенные приемы следствия. Один пример такого беззакония, оставшийся безнаказанным, приводит в своей записке за 1860 г. Московский губернский прокурор Д.А. Ровинский. В феврале и марте 1851 г. в Москве было совершено несколько дерзких ограблений. Частный пристав майор Стерлигов, основываясь лишь на сведениях о «дурном поведении», аре-

стовал извозчика Алексея Степанова. Для того, чтобы получить от него признательные показания, он приказал связать Степанову за спиной руки, «локоть с локтем», и в таком положении держал его более 14 часов, постоянно подвергая избиению и допросам. Степанов вынужден был оговаривать себя, чтобы избавиться от мучений. Вскоре следственная комиссия, созданная специально по борьбе с грабежами в Москве, установила, что преступления, вмененные Степанову, совершили другие лица, которые и были арестованы. Степанова отпустили, и он подал жалобу прокурору. К этому времени медицинская экспертиза установила, что вследствие истязаний Степанов «руками не владеет». Против Стерлигова было возбуждено уголовное дело, его «отрешили» от должности и предали суду. Только через шесть лет Московская уголовная палата вынесла приговор. Ссылаясь на то, что Стерлигов бил и истязал арестованного не сам лично, палата подтвердила лишь его увольнение от должности. Губернский прокурор опротестовал этот приговор, отметив, что Стерлигов вообще не имел права брать Степанова под стражу, что нанесение побоев и истязание доказаны, и частный пристав «должен отвечать в этом случае как за свои действия». На этот протест уголовная палата определила: «Дать знать г. губернскому прокурору, что решение свое по делу Стерлигова она оставляет в своей силе». После этого дело было направлено в Правительствующий сенат, который поручил Московской уголовной палате рассмотреть его вторично. При новом рассмотрении палата вынесла решение: «Бывшему частному приставу майору Ивану Стерлигову, виновному в употреблении для усмирения заключенного Степанова неуказанной и недозволенной меры, то есть связывания рук... объявить выговор, но как этот проступок допущен им до 26 августа 1856 года, то на основе XIX статьи Высочайшего манифеста, его, Стерлигова, от сего освободить, а оставшееся неизлечимое увечье Степанова по изложенным выше основаниям, Стерлигову в вину не вменять».

В своей записке по поводу этого приговора Д.А. Ровинский отмечал, что при Стерлигове было открыто существование в Москве «арестантских клоповников» и «секретных подвалов» без света и воздуха под Басманным частным домом, известные в народе под названием «аскольдовых могил». При нем частные приставы «вместо предупреждения преступлений сами подстрекали посредством своих сыщиков на грабежи и убийства с тем, чтобы заставить преступников на деле и вымучить у начальства награду». Все эти

действия, по мнению Ровинского, назывались в то время «избытком усердия», или «увлечением при исполнении служебных обязанностей». Далее он пишет: «Редкое следствие обходится без брани, побоев и произвольного арестования; будучники, даже сыщики забирали под стражу так называемых подозрительных людей десятками». Ровинский подчеркивает, что и теперь, спустя девять лет, частные приставы «забирали под стражу кого им вздумается, но это делается ими уже не так явно».

Ровинский заключал, что «было бы вполне законно и справедливо» приговорить Стерлигова к лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы, но вместе с тем ходатайствовать о смягчении ему наказания и заключении в смиренный дом на три года. Степанову же следует выплачивать за счет Стерлигова 100 рублей в год. Однако добиться вынесения справедливого наказания прокурору не удалось.

Все недостатки полицейского следствия были настолько очевидны, что вопрос о реорганизации следствия возник давно. Еще Дашковым был составлен проект «Закона для следователей», который за подписью министра юстиции и его товарища В.Н. Панина был внесен на рассмотрение Государственного совета. Органом производства расследования по проекту оставалась полиция. Были в нем более ясные гарантии прав обвиняемых. Проект не прошел и был отложен до общего пересмотра уголовного законодательства. Когда Панин стал управлять министерством юстиции, он вновь решил дать ход этому проекту, предложив губернаторам и прокурорам представить на него свои замечания. Для более полного уяснения недостатков следствия, он ввел в 1842 г. ежегодную отчетность «О производстве следствий». Отчеты выявили чудовищную волокиту. Например, в 1843 г. остались неоконченными по Черниговской губернии с 1835 г. 10 следствий, а одно тянулось вообще 28 лет. В Виленской губернии с 1832 по 1840 г. расследовались 453 дела, в Орловской губернии — два дела были начаты еще в 1829 г., в Таврической губернии три дела тянулись 20 лет.

«Вообще весьма заметное число дел, начатых в 1840 году, не было окончено в 1843 году», — отмечал министр юстиции Панин в своей записке. По его мнению, причины таких недостатков заключались в следующем: 1) в незначительном количестве полицейских чинов, производящих расследование; 2) в неправильном распределении дел между следователями, когда по маловажным делам производят следствие чиновники, а по важнейшим становые приставы;

3) в запоздании прибытия к следствию депутатов (они присутствовали для усиления гарантий прав обвиняемых) и врачей; 4) в необоснованной передаче дел от одних следователей к другим; 5) в повторении по нескольку раз одних и тех же следственных действий; 6) в крайней небрежности начальствующих лиц и мест (Панин приводил примеры, когда по одному делу губернское правление на 29 требований о розыске обвиняемого не ответило ни разу, и когда в одном полицейском управлении за «шкапом» были обнаружены 35 нераспечатанных пакетов, присланных еще в 1839 г.); 7) в незаконности приемов, употребляемых следователями для раскрытия преступления; 8) в неудовлетворительности медицинской экспертизы.

В своем предложении по вопросу улучшения судопроизводства, в том числе и следствия, Панин впервые поднял такой важный вопрос, как язык судопроизводства в России. Ссылаясь на «разноязычность народов», на «слабую степень их культурности», он обоснованно считал, что «инородцы» иногда осуждались после допроса на непонятном для них русском языке и не могли по этой причине обжаловать приговоры.

Панин высказывался также за соединение существовавших в то время формального и предварительного следствий. Однако настаивал, чтобы оно оставалось в руках полиции. В этом вопросе он еще долго оставался консерватором.

Вопрос о преобразовании следствия в России вначале рассматривался в комплексе мер по реорганизации всего уголовного судопроизводства. В 1858 г. Панин представил императору доклад, в котором обосновывал выделение вопроса о следствии из общих работ и ускорении преобразования всей следственной части. На этот раз он согласился с мнением специалистов, считавших, что следствие необходимо отделить от полиции. Александр II согласился с предложениями министра. При министерстве юстиции и министерстве внутренних дел была образована комиссия для выработки соответствующих законодательных актов о следствии. Вскоре такие документы были подготовлены и представлены в Государственный совет, который одобрил их и высказал мнение об утверждении.

8 июня 1860 г. Правительствующему сенату был дан Именной Высочайший Его Императорского Величества указ об учреждении в России судебных следователей. Впервые в Российской империи был принят четкий и ясный закон о предварительном следствии. В указе отмечалось: «Желая дать полиции более средств к успешному исполне-

нию ее обязанностей, столь важных для порядка и спокойствия жителей всех состояний, и определить точнее свойство и круг ее действий, Мы признали за благо отделить от полиции вообще производство следствий по преступлениям и проступкам, принадлежащих рассмотрению судебных мест». В этом указе император повелел: отделить следственную часть от полиции во всех сорока четырех губерниях и назначить там особых, подведомственных министерству юстиции, чиновников для производства следствий, наименовав их судебными следователями. В обязанности полиции входили только исследования «маловажных» преступлений и проступков, которые предоставлены «разбору и суждению» самих полицейских властей, а также первоначальное дознание о происшествиях.

Император утвердил три документа: Учреждение судебных следователей, Наказ судебным следователям и Наказ полиции о производстве предоставляемых ей дознаний по происшествиям. На содержание судебных следователей назначалось каждому ежегодно по восемьсот рублей и сверх того по двести рублей на канцелярские и другие расходы. Распределение судебных следователей по губерниям было поручено министерству юстиции по соглашению с министерством внутренних дел.

В соответствии с Учреждением, судебные следователи состояли в уездах и городах. Они определялись на должность, перемещались и увольнялись со службы министром юстиции по представлению начальников губерний. Последние «избирали» следователей, определяли и изменяли им участки «по соглашению» с губернскими прокурорами. Судебные следователи приступали к производству следствий по письменным требованиям судебных мест, губернского прокурора, стряпчих, городских и земских полиций, исправника и станowych приставов того уезда, где они состояли на службе. Все прочие лица могли требовать производства следствий только через суд. Судебные следователи были вправе начинать следствие и по собственной инициативе. В особо важных случаях, по предложениям полиции, прокурора или стряпчего либо по предписанию начальника губернии, допускалось создание следственных комиссий, состоявших из судебного следователя, члена уездного суда и чиновника местной полиции.

В соответствии с законом, только суд, рассмотрению которого подлежало дело, вправе был остановить или прекратить производство следствия или же дать ему другое направление, отсылать следователю указ или предписание.

Суд же рассматривал жалобы на следователей, назначал «переследование». Все жалобы на следователей представлялись судебным местам или уездному стряпчему, который предлагал их суду.

Прокурорам и стряпчим было предоставлено право требовать от следователей письменные сведения о положении производимого ими следствия только в случае поступления к ним жалобы на неправильное задержание обвиняемого. Во всех других случаях они, «для извлечения нужных им сведений» могли знакомиться с делами, которые вели следователи. От должности судебный следователь мог быть удален «не иначе, как с преданием суду».

Введение в действие новых законов о предварительном следствии потребовало от министерства юстиции значительных трудов и усилий. Вскоре министерство столкнулось с тем, что местные власти явно недопонимали всей важности этого закона. С опубликованием указа, министерство юстиции немедленно составило «ропись», то есть штатное расписание, по всем 44 губерниям, причем за основу бралось количество уголовных дел, подлежащих судебному рассмотрению по каждому уезду. Поскольку трудно было точно установить нужное количество следователей для каждой губернии и уезда, начальникам губерний было предоставлено право увеличивать число следователей в том или ином уезде, не выходя из общей численности выделенных по губернии штатных должностей следователей. «Росписание» следователей было направлено на места при циркуляре от 26 июля 1860 года. Всего было распределено по губерниям 900 должностей следователей, а 93 — оставлены в резерве.

Циркуляром от 28 сентября 1860 г. было предоставлено право начальникам губерний не ранее чем через шесть месяцев входить с представлением об увеличении в некоторых губерниях числа следователей. Тогда же была установлена для судебных следователей временная отчетность.

Наиболее сложным оказался вопрос о назначении конкретных лиц на должности судебных следователей. В министерство юстиции вскоре стали поступать «формулярные списки» кандидатов на должности следователей. Рассмотрев эти документы, министерство пришло к убеждению, что «на дело о выборе судебных следователей губернское начальство смотрит слишком снисходительно». В отчете министерства юстиции за 1860 г. Панин писал по этому поводу: «Из рассмотренных формуляров оказалось, что начальники губерний, ссылаясь на недостаток молодых людей юридически образованных, представили кандидатами

на должности следователей людей по большей части не получивших даже образования в средних учебных заведениях и вовсе не представляющих собою ручательства в добросовестном исполнении столь важных и многосложных обязанностей, которые будут на них лежать по званию следователей. Лица эти по преимуществу были прежние становые пристава и квартальные надзиратели, и даже некоторые из них бывшие под судом и следствием».

В связи с этим министерство юстиции отложило на шесть месяцев утверждение каждой кандидатуры с тем, чтобы «иметь на фактах основанное удостоверение, что он действительно способен занимать должность судебного следователя». Кроме того, министерство разослало по губерниям предписание о том, как следует понимать смысл слов Учреждения судебных следователей, а также утвердило подробные Правила о назначении судебных следователей, опубликовав их в Журнале министерства юстиции. Надзор за ходом судебного следствия и отчетностью по нему первоначально был возложен на уголовные палаты.

Об объеме деятельности судебных следователей свидетельствуют данные, опубликованные в отчетах министерства юстиции. В отчете за 1862 г. отмечено, что по 44 губерниям России (444 уезда) работало 873 следователя. Наибольшее их число было в Киевской губернии — 33, Курской — 32, Пермской, Тамбовской и Черниговской — по 31. Меньше всего — в Астраханской — 7, Онежской — 9 и Архангельской — 1.

Следователями и следственными комиссиями было окончено в течение года более 85 тысяч следствий. По делам судебных следователей в качестве обвиняемых проходили 125 тысяч человек, из них почти 29 тысяч находились под стражей. В среднем на одного следователя в год приходилось 132 дела. Больше всего следствий было окончено в Киевской губернии — 4194, Черниговской — 3515, Нижегородской — 3480 и Тверской — 3366.

ОБРАЗОВАНИЕ МОСКОВСКОГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ

Панин был одним из первых министров юстиции, кто обратил пристальное внимание на устройство государственных архивов. В Москве в начале XIX в. находились два архива при Правительствующем сенате: Разрядный и Старых дел, а также Вотчинного департамента. Во время Отечест-

венной войны 1812 г., когда в Москву вступили полчища Наполеона, помещения архивов были превращены в казарму, а хранившиеся там документы выброшены во рвы, окружавшие Кремль. Впоследствии их собрали, но в большинстве своем бесценные документы оставались неразобранными и несистематизированными. В 1835 г. министр юстиции Д.В. Дашков образовал особый комитет, которому вменил в обязанность «обозреть архивы, составить подробные описи, отделить документы, заслуживающие внимание, от прочих». Комитет работал до 1843 г. После его роспуска министр юстиции Панин назначил для организации работы с архивом особого чиновника, состоящего за обер-прокурорским столом П.И. Иванова. Под его наблюдением в течение нескольких лет архивы приводились в порядок. 7 июля 1852 г., по представлению Панина, император Николай I утвердил решение Государственного совета о создании Московского архива министерства юстиции, в который вошли также архивы Разрядный, Старых дел и Вотчинного департамента.

Первым директором архива стал действительный статский советник Петр Иванович Иванов. Он родился в 1794 году. Образование получил в Костромской гимназии. С 1818 г. преподавал в Московском Алексеевском училище и одновременно посещал лекции на юридическом и словесном факультетах Московского университета. В 1824 г. он стал помощником управляющего Московской удельной конторы, где служил почти девять лет. С 1833 г. Иванов — член Вотчинного департамента, а с 1839 г. — председатель Московской комиссии составления свода запрещений и разрешений на имения. Одновременно он вошел в состав комитета по обозрению архивов. Он сумел глубоко вникнуть в «порядок хранения дел в архивах». Наряду с практической работой, занимался научной деятельностью, опубликовав несколько ценных работ, обративших на себя внимание министра юстиции Дашкова.

После того, как комитет прекратил свое существование, Иванов получил должность инспектора сенатских архивов и одновременно чиновника, сидящего за обер-прокурорским столом. В 1852 г. возглавил Московский архив министерства юстиции.

Архив делился на три отделения, в каждом из которых были архивариус (он же начальник отделения), его помощник, секретарь и несколько канцелярских служащих. На содержание архива отпускалось из казны около 20 тысяч рублей, включая жалованье чиновникам. Общее руководст-

во архивом осуществлял министр юстиции. Он давал указания, утверждал инструкции, устанавливал правила хранения дел, приема новых, давал разрешение на допуск посторонних лиц, на выдачу дел присутственным местам и так далее. Непосредственный контроль за работой архива был возложен на обер-прокурора общего собрания московских департаментов Сената.

П.И. Иванов много внимания уделял организации работы архива, содержанию в исправности описей и алфавитов. Занятый многочисленными практическими делами, он все же находил время продолжать интенсивную научно-исследовательскую работу. Он издал ряд интересных работ: «Описание Государственного архива старых дел», «Алфавитный указатель боярским книгам», «Описание документов и бумаг Московского архива министерства юстиции» и многие другие.

П.И. Иванов является автором большого и интересного труда — «Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции», опубликованного в 1863 году. Умер П.И. Иванов в 1864 году.

«НАША ОБЯЗАННОСТЬ ОЗАБОТИТЬСЯ ПОЛОЖЕНИЕМ НЕИМУЩИХ ДВОРЯН»

В январе 1857 г. был образован Секретный комитет по крестьянскому делу под председательством императора Александра II, основной задачей которого являлась подготовка освобождения крестьян от крепостной зависимости. Спустя год он был преобразован в Главный комитет по крестьянскому делу. Его возглавил вначале князь А.Ф. Орлов, а затем великий князь Константин Николаевич. Соответствующие комитеты были созданы и в губерниях. Проекты, разрабатываемые на местах, рассматривались вначале двумя Редакционными комиссиями (вскоре они фактически слились в одну, но название их во множественном числе осталось). На Главный комитет было возложено рассмотрение трудов и предложений Редакционных комиссий, занимавшихся выработкой непосредственно законов об освобождении крестьян. При Комитете существовала также особая Комиссия для предварительного обсуждения поступавших от губернских комитетов предложений и проектов. В эту Комиссию входили четыре человека: Я.И. Ростовцев, бывший одновременно и председателем Редакционных комиссий, М.Н. Муравьев, С.С. Ланской и В.Н. Панин.

Я.И. Ростовцев

В феврале 1860 г. скончался Ростовцев, и граф Панин был назначен председателем Редакционных комиссий. С этого времени он фактически отошел от руководства министерством юстиции (эти функции временно исполнял товарищ министра Д.Н. Замятнин).

Биограф Панина П.М. Майков писал по этому поводу: «Это новое назначение, которого удостоился граф Панин, было встречено многими далеко не сочувственно вследствие сложившегося убеждения, что он не только консерватор, но и крепостник, как тогда выражались; другими словами, графа Панина со свойственною в этих случаях людям склонностью к преувеличениям, считали противником крестьянской реформы. От нового председателя требовалось прежде всего, чтобы он стремился неуклонно осуществлять на деле волю императора и таким лицом был именно граф Панин... Кроме того, было известно, что граф Панин был всегда точным исполнителем приказаний государя, а в деле освобождения крестьян это и явилось вернейшим залогом успешного его окончания».

Как отмечал в своих записках Н.П. Семенов, сами члены Редакционных комиссий были «поражены неожиданно, и большинство их пришло в неописанное смущение». Это смущение было вполне оправданным. Члены Редакционных комиссий, куда входили многие прогрессивные люди, обоснованно опасались, что Панин, лишь на словах сочувствующий реформе, недоступный в общении, высоко-

М.Н. Муравьев

мерный и чванливый с людьми недостаточно знатными, будет серьезным тормозом на пути выработки законов об освобождении. И документы Крестьянской реформы это подтвердили в полной мере. Даже сам император вынужден был признать, что было сделано все возможное для «ограждения выгод помещиков».

Панин, в отличие от Ростовцева, резко ограничил свое общение с членами Комиссий. С ними он встречался преимущественно только на общих собраниях, сносясь в остальное время через М.И. Топильского. Особый прием у него имели всего несколько человек, в частности, Булгаков, замещавший Ростовцева во время болезни, и Жуковский, бывший правителем дел в Главном комитете.

22 февраля 1861 г. граф Панин встретился с депутатами — членами губернских комитетов по крестьянскому делу, и произнес перед ними речь, которая была весьма негативно воспринята прогрессивной общественностью России. Резко отрицательную оценку дал ей «Колокол» Герцена, напечатав в несколько сокращенном виде.

А.И. Герцен

Панин, в частности, сказал: «Прямая наша обязанность трудиться для столь важного дела единодушно и как бы семейно, имея в виду главную цель по выражению Государя Императора — благо России... Все действия и труды, как я сказал по нашему семейному делу, должны оставаться между нами, без разглашения; в особенности не следует ничего сообщать за границу. Равно считаю полезным для дела указать и на то, что по убеждению моему в предлежащем вопросе значительно вредили с одной стороны неосновательные опасения дворян, с другой несбыточные ожидания крестьян; то и другое мы должны сколь возможно устранять...».

Сказав о том, что необходимо «озаботиться обеспечением быта крестьян», Панин особо подчеркнул, что обязанность

Комиссий — «озаботиться положением неимущих дворян, оградить исключительно их интересы».

С изумлением восприняли депутаты слова Панина: «Кому нужно будет меня видеть, двери мои отворены; но в настоящее время я принимать вас не могу». Панин попутно попенял депутатам, которые иногда неофициально собирались у одного из членов Комиссий С.-Петербургского предводителя дворянства, графа П.П. Шувалова, где, как было ему известно, вели разговоры с осуждением позиции своего председателя. Депутаты, по словам Н.П. Семенова, «вышли от графа смущенные и в недоумении».

Опасения членов Редакционных комиссий оказались не напрасными. По ряду принципиальных вопросов Панин занял позицию, отличавшуюся от мнения большинства членов. По этому поводу он даже писал несколько раз всеподданнейшие доклады императору. Позднее, когда все материалы Редакционных комиссий поступили в Главный комитет, а затем в Государственный совет, Панин и там упорно отстаивал свои позиции и отступил от некоторых из них только после вмешательства императора. В частности, он категорически возражал против передачи помещиками земли крестьянам в «бессрочное пользование», считая, что такой нормы российское законодательство не знает. В окончательном виде все же осталась фраза «постоянное пользование», но это была лишь одна из немногих уступок Панина.

После опубликования Манифеста от 19 февраля 1861 г., Высочайшим рескриптом на имя Панина было выражено «Высочайшее благоволение» всем членам Редакционных комиссий. Сам Панин был удостоин ордена Св. Андрея Первозванного.

Оценка «трудов» панинской комиссии крестьянами была несколько иной — от глухой сдержанности и ропота до открытых выступлений, которые подавлялись вооруженной силой.

После обнародования Манифеста активизировалась работа по подготовке Судебной реформы. Осенью 1861 г., вернувшись из поездки в Крым, Александр II поинтересовался ходом работ о судебном преобразовании. Доклад не удовлетворил его, и в октябре того же года на Государственную канцелярию и «прикомандированных к ней юристов» была возложена задача подготовить на основе имеющихся проектов «основные начала», на которых должна строиться Судебная реформа. Общее руководство работами было возложено на Государственного секретаря В.П. Буткова. Значи-

тельный вклад в подготовку основополагающих документов внесли выдающиеся русские юристы С.И. Зарудный, К.П. Победоносцев, Н.И. Стояновский, Н.А. Буцковский, Д.А. Ровинский, И.Н. Даневский, А.М. Плавский, С.П. Шубин, А.Н. Вилинбахов.

Подготовленный ими документ вначале рассматривался в соединенных департаментах, а затем в общем собрании Государственного совета. Министр юстиции Панин, всегда выступавший против кардинальных преобразований законодательства о судеустройстве и судопроизводстве, убедился в бессмысленности отстаивания своих позиций и уже не возражал против предложенных новшеств и даже согласился с введением в России суда присяжных.

В сентябре 1862 г. «основные положения» были утверждены Александром II и вскоре опубликованы. Для составления окончательных проектов Уставов о судеустройстве и судопроизводстве были образованы специальные комиссии, в которые вошли лучшие юридические силы Российской империи.

Вскоре после этого, 21 октября 1862 г. В.Н. Панин «по расстроенному здоровью» был освобожден от должности министра юстиции, с оставлением членом Государственного совета, непременным членом Главного комитета об устройстве сельских состояний и статс-секретарем императора. 27 февраля 1864 г. он стал Главнoуправляющим 2-го Отделения собственной Его императорского Величества канцелярии. Однако делами он почти не занимался, проводя большую часть времени за границей. 16 апреля 1867 г. Панин был освобожден от должности Главнoуправляющего, с вручением ему бриллиантовых знаков ордена Св. Андрея Первозванного. В декабре 1869 г., в связи с пятидесятилетним юбилеем служебной деятельности Панина, Александр II «пожаловал» ему украшенный алмазами свой портрет для ношения в петлице Андреевской ленты. 14 мая 1872 г. он был уволен (по болезни в бессрочный отпуск) и с должности члена Государственного совета. Скончался В.Н. Панин в апреле 1874 г. в Ницце. Похоронен в Троицко-Сергиевой пустыни недалеко от Петербурга.

Граф Виктор Никитич Панин вызывал неоднозначную, иногда прямо противоположную, оценку современников. Резко отрицательно отзывались о нем демократически настроенные деятели России. Часто острые стрелы отпускали в его адрес А.И. Герцен, другие революционные демократы. О его рассеянности, педантизме, высокомерии ходили в Петербурге легенды.

Приведем несколько высказываний человека, далекого от революционных кругов, князя П.В. Долгорукова, эмигрировавшего из России в 1859 г. и одно время даже претендовавшим на пост министра внутренних дел. Он писал: «Всем известно, что Панин с подчиненными и с низшими — горд, недоступен, тяжел, крут и резок; с равными — тяжел, неприятен и лукав, а перед временщиками — невзирая на свой трехаршинный рост — вертляв, как собачонка... Это человек широкого образования, большой энергии и ума замечательного, но с ним часто бывают затмения, и ему то и дело изменяет здравый смысл. Он настоящий глава партии самодуров в России... Это ожесточенный враг всякого прогресса, энергичный защитник всех старых злоупотреблений, скрытый и влиятельный, пользующийся доверием советник, к которому прислушивается камарилья».

Хорошо знавшие Панина люди почти всегда отмечали его образованность, профессионализм, широкий кругозор, работоспособность, твердость в отстаивании своего мнения, верность престолу и императору. Он иногда щедро жертвовал деньги на благотворительные цели, выдавал из своих средств пособия бедным чиновникам. Свою богатую библиотеку он пожертвовал Московскому Публичному и Румянцевскому музеям.

Хорошо знавший его Н.П. Семенов писал о нем: «Граф В.Н. Панин был человеком выдающимся во всех отношениях из ряда обыкновенных людей. Он был огромного роста, который как будто увеличивался еще от нестройности его фигуры (он был сутуловат); голос у него был внушительный бас, речь была плавная. Он обладал изумительным и чарующим красноречием, именно сжатостью выражения, красотой слова, удачным подбором эпитетов, сосредоточенностью мысли и ясностью того, о чем хотел говорить, так что, если бы стенограф записывал его речь, то конечно для печати почти не пришлось бы переставлять ни одного слова, тогда как его письменный слог не имел приблизительно и тех достоинств, которыми отличалась его устная речь... Память у него была необыкновенная. Образование было классическое. Он обладал знанием обоих древних языков и легко усвоил себе первоклассные Европейские языки. Его начитанность была обширная, преимущественно в области истории и изящной литературы. Всю жизнь он особенно интересовался внешней политикой».

Панин был человеком высокоэрудированным, он не замыкался в узких служебных рамках. Он был членом нескольких императорских обществ: Вольного экономическо-

го, Географического, Археологического, Истории и древностей. Интересовался литературой и даже сам опубликовал в 1867 г. интересные материалы о княжне Таракановой, называющиеся «О самозванке, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны».

Некоторые современники обоснованно считали, что граф В.Н. Панин принадлежал к числу тех государственных деятелей России, которые не проходят незамеченными среди современников и заслуживают память потомства.